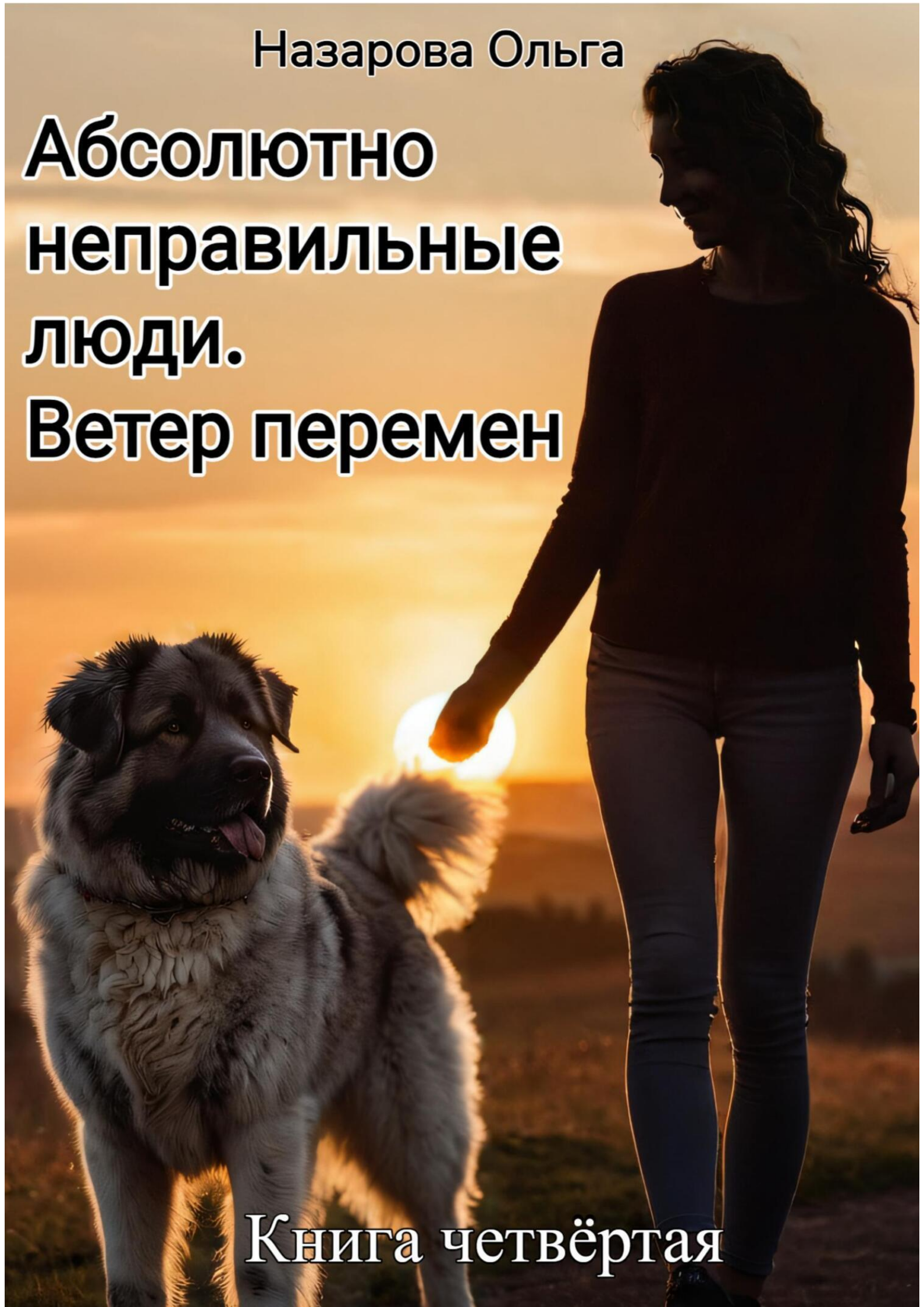

Назарова Ольга

**Абсолютно
неправильные
люди.
Ветер перемен**

Книга четвёртая

Ольга Назарова

**Абсолютно неправильные
люди. Ветер перемен**

«Автор»

2023

Назарова О.

Абсолютно неправильные люди. Ветер перемен / О. Назарова — «Автор», 2023

Со временем меняется всё. Мир вокруг, обстоятельства, а бывает, что даже люди и их взгляды на жизнь... И совсем не всегда это плохо. Неплохо, например, когда молоденькая девушка замороженная модным коучем, вдруг начинает меняться, понимая, кто она сама, что для неё на самом-то деле важно, и как ей жить своим умом. Совсем неплохо, когда болезненные воспоминания её тётки Марины и бесконечные обязательства перед чужими, по сути, людьми уходят в прошлое, открывая дорогу чему-то новому, свежему и лёгкому, как ветер. Хорошо, когда заостеневший в своём упорстве академик, вдруг начинает хоть немного менять свой взгляд на собственную семью, слегка, самую чуточку смягчаясь. Время перемен прилетает словно ветер, главное его не упустить, не упустить тех, с кем приходят такие нужные и важные изменения. Пусть для кого-то это щенок, для кого-то фотография его правнучки, а для кого-то человек, неожиданно ставший другом.

© Назарова О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Помощь семейного гения	5
Глава 2. Опрометчивое оскорбление котоколлектива	10
Глава 3. Академическая невозмутимость	14
Глава 4. Суета вокруг диванов	19
Глава 5. Вся прямная	24
Глава 6. Открытый невестковый бунт	29
Глава 7. Очень забавный академик	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Назарова

Абсолютно неправильные люди. Ветер перемен

Глава 1. Помощь семейного гения

Хорошая штука лето! Особенно его начало, когда листья ещё ярко-зелёные и бодрые, даже в городах пахнет скошенной травой и липовым цветом, а люди ждут от отпуска всяческие приятности.

– Моря, леса, озёра и реки, дача и картошка, шашлыыыык. Ыыыы... – проныла Марина, обнаружившая, что ей отпуск в ближайшее время как-то и не светит. – Тёмочка, радость моя, вот скажи мне, это разве справедливо?

Маринина радость Тёмочка, который весил порядка восьмидесяти килограмм, мордой лица напоминал сероватого медведя, а в душе был, как утверждала Марина, голубь-голубем, сочувственно зевнул.

Марина осмотрела открывшийся ей вид...

– Тираннозавр на выгуле, – вздохнула она. – Тёмочка, мальчик мой, закрой ротик, а то Фиона решит, что это такая лежанка и там поселится. Ты знаешь, она и не то может!

Пасть со стуком захлопнулась, и Тёмочка с опаской покосился на синеглазую сиамку-Фиону.

– **Может! Эта – всё может!** – вздохнул он по-собачьи, но очень понятно.

– Итак, что мы имеем? А имеем мы трудоголика загнанного, одна штука. Да ещё, ко всему прочему, ещё и безотпускного, зато гостеприимного. То есть гостеприимствующего, из серии хоть тресни, но принять надо!

– **Зачама?** – клацнули челюсти Тёмочки.

Фуфик – второй представитель гордого собачьего племени проживающий у Марины, принадлежащий к породе ши-тцу, спросонок решил, что дают какую-то еду, а он всё пропустил, и с полузакрытыми глазами рванул на кухню к мискам, сшибив по дороге пару хозяйкиных котов – Филя и Фарлафа.

На бурное и визгливое выяснение кто куда шёл и почему коты не уступили Фуфику дорогу, Марина даже ухом не повела – занята была.

– Понимаешь, какое дело... – объясняла она Тёмочке, с сожалением закрывая на компьютере фото с видами леса, моря и картофельных грядок с колорадскими жуками.

– Гостья, которая едет – дочка моего двоюродного брата. Он нас очень выручает, когда бабушку и деда с дачи увозит вместе с урожаем. У него мини автобус имеется – как раз под бабулин урожайный объёмчик. Короче, отказать я ему не могу, они нам реально помогают, да и так люди хорошие, а у них проблемка случилась с дочечкой. И вы мне поможете её решить! – она осмотрела своих слегка озадаченных животных.

Появление племянницы на пороге квартиры Марина ожидала с нетерпением. Прямо-таки жаждала узреть человека, про которого родители говорят так:

– Маринка, умоляем! Сделай хоть что-нибудь! У неё вывих мозга по полной схеме! Какая схема? Называется «все плохие, а она жертва»! Как это «чего жертва»? Всего, разумеется. Сначала виноваты мы. Не спросясь крестили во младенчестве, а это насилие над личностью. Неее, это ж только начало! Дальше мы её в садик водили! Маринка не тормози! Как, в какой садик? В детский, разумеется! Хотя, наверное, правильное было отволочь и сдать в зоопарк! Там детёныши не в пример разумнее вырастают! – излагал Маринкин двоюродный брат Сашка.

– Ты про школу забыл! – донёлся голос его жены, – Мы жутко плохо поступали, потому что ей приходилось делать домашку, ходить к репетитору по английскому и не прогуливать уроки!

– Да! Точно! В школе поголовно все её обижали, хотя, мне регулярно жаловались родители мальчиков. На что жаловались? Ну, как бы это... она их гоняла как тараканов.

– Это потому, что мы, нехорошие люди, вместо того, чтобы направить дитятко на совершенствование духовных практик, отправили на самбо! Но она же сама хотела... – опять добавила жена кузена.

– Ага, короче, и тут не угодили! – вздохнул братец. – А дальше, Марин, мы вообще страшное-престрашное сделали – помогли поступить в вуз!

– Жу-у-у-ткие мы люди! – простонала у трубки мама креативной племянницы.

– Точно! Жуткие-прежуткие! Васька хотела на айтишника, туда и поступила. Проучилась два курса и прозрела! – простонал Сашка.

– Да, она, оказывается, туда не хотела, а хотела на психологический, чтобы с насилием бороться! – снова не выдержала его жена.

– С каким? – не поняла Марина.

– Ну, как же! Все вокруг абьюзеры, висхолдинги, гостинги, блайкинг, и эти... газлайтинги! Если ты думаешь, что я это наизусть говорю, сразу скажу – ты ошибаешься! Я специально это на бумажке написал! У меня тут ещё много. Хочешь?

– Нееее, оставь это «ещё много» себе! – порекомендовала Марина. – Короче, Склифосовский...

– Да уж куда короче-то... – вздохнул Сашка. – Марин, выручай, а? Она последний год всех с ума сводит тем, что обвиняет вот в этом всё... Погоди, сейчас листок возьму и ещё раз зачту!

– Не-не, не надо, я помню! – торопливо остановила родственника Марина. – От меня-то что нужно?

– Мозги ей вправить! – наперебой заторопились родители продвинутой и прогрессивной Василисы.

– Сейчас она в эмоциональном кризисе! – Васькина матушка забрала у мужа смартфон и продолжила изложение. – Встретилась с этим... погоди... Сашка, где листик?

– Вот! Слово я обвёл! – забубнил Сашка жене.

– А! С гостингом! – озвучила она. – Я-то никак понять не могла, чего это? А это, оказывается, когда насилие происходит из-за того, что общаться прекращают. Ну, нет, я понимаю, это неприятно, когда встречались-встречались, а потом кто-то из пары исчезает, и думай, жив он вообще, здоров ли... Но Васька-то один раз на свидание сходил!

– И парень не перезвонил? – сообразила догадливая Марина.

– Точно! – возликовали родители Васьки. – Ты ж голова! Сразу поняла!

– Я вот никак осознать не мог, с чего он должен звонить? Если она два часа рассказывала ему, какие у неё вокруг эти... где листок? – засуетился Сашка.

– Саш, я поняла, кто! – успокоила брата Марина. – Короче, парень облегчённо вздохнул, когда свалил от племянки, а она тут же записала его в нарушителя её душевного спокойствия!

– Гений ты наш семейный! – умильно пропел Сашка при полной поддержке супруги. – Маринка, спасай! Сил нет! Ты ж знаешь, мы её в жизни пальцем не тронули! Никто не обижал, любили и любим! Только вот «не так любили»...

– Спокойствие только спокойствие, дело-то семейное! – хмыкнула Марина. – Ладно, давайте, присылайте дитятко! Мне прямо уже интересно посмотреть, как это она так изменилась, что в голове такая фигня...

Дитятко в комплекте с фигнёй прибыло в Москву к Марине вовремя – ну, то есть поезд прибыл ровно по расписанию.

Марина внимательно осмотрела беззаботно щебечущую племянницу.

– Симпатичная, милая, не дурочка... Ну, на вид, по крайней мере! Ладно, будем смотреть...

– Ой, тётенька Мариночка! Как я рада, что к тебе приехала! – восторгалась Васька. – А то, у нас в Питере стало совершенно невыносимо жить! Одни абьюзеры! Погоди-ка... А у вас тут с этим как? – бдительно прищурилась племянница на Марину.

– Отлично у нас тут с этим! – машинально ответила Марина.

– Аааа, ну, ладно... – слегка озадачилась Вася, не сообразив, как это «отлично». Отлично – это пруд пруди или ни одного на подлёте не замечено?

– Так, Вась, я тебя сейчас дома сгружаю, и на работу! Собаки выгулянные, кошки кормленные, что бы кто ни говорил, так что ты абсолютно свободна – гуляй – не хочу.

– Вот и не хочу! – Василиса надулась как мышь на крупу.

– О как... А что? – Марина посигналила типу на фордике, глубоко задумавшемуся на перекрёстке о чём-то своём фордо-философском. – Ну, давай уже! Двигай покрывками! – пробурчала она, покосившись на племянницу.

– Сидит вся такая... возвышенно-загадочная. Сразу хочется стукнуть сумочкой по голове многомудрой, благо в сумочке килограмма четыре документов... Ой, бедная-бедная девочка, про абьюзеров меня спрашивала... гыгыгыгы. На работе от истерических припадков все кататься будут! Сначала вдоль коридора, а потом поперёк! У меня-то такое спрашивать! Да на конкурсе аудиторов-абьюзеров Москвы и Московской области я запросто и с большим отрывом возьму первое место! Вот Сашка поаааал. Она ему теперь до своей пенсии будет вспоминать главное его преступление – отправил зайку на съедение к злой тётке! Тётенька-тётенька, а почему у тебя такие большие глазки? – подумала Марина и тихонько про себя захихикала. – Да, кстати, а почему это деточка нежная гулять-то не хочет? Начало июня, погода роскошная, Москва красивая, она тут на свободе от родительского насильственного произвола ни разу не была. И чёчилось? – Марина, как человек простой и неприхотливый, страдать от нерешенных вопросов не любила. Есть вопрос – задай и не мучайся!

– Вася, а почему не хочешь гулять? Поведай тётеньке всё как на духу! – вкрадчиво порекомендовала она.

– Понимаешь... я переживаю! Я столкнулась с примером гостинга и получила тяжёлую психологическую травму! – с глубоким вздохом произнесла Василиса. – А потом... потом эта психотравма усугубилась полным непониманием моих родителей. Марина! – с надрывом произнесла Вася, и Маринка едва на тормоз не нажала – было ощущение, что девица выронила из открытого окошка машины сумку с миллионами долларов и стратегическим запасом алмазов на чёрный день, и теперь, осознав это, выдала стон души.

– Тётенька Марина, я почти потеряла себя!

– Счас найдём! – выдохнула Марина, старательными пинками выгоняя из сознания образ ценной сумки. – Ты окошечко со своей стороны прикрой на всякий случай... Мне так спокойнее будет.

– Ты думаешь, это так просто? – Василиса уже вошла во вкус страданий и быстро расставаться с ними не собиралась. – Понимаешь... Я встретила человека, а он... он... занимается гостингом.

– Уууууу, негодаяяя! – убедительно прогудела Марина, добрым словом помянув двоюродного брата. Сама она без помощи интернета не опознала бы это слово. Скорее всего, услышав корень «гост» могла бы решить, что это такой гость незваный, ну, или развлекается тем, что ищет продукты исключительно по ГОСТу сделанные. Мало ли какие хобби бывают у людей.

– Тётенька! – Вася восторженно прижала бледные лапки к груди. – Ты знаешь, что это такое?

– Наизусть! – честно ответила Марина.

– Ой, какое счастье! Ты меня понимаешь! – обрадовалось наивное дитя.

– Угу-гу! – согласилась Марина, скрещивая пальцы на руле.

– Так вот, мне ужжжасно не везёт в последнее время! Все, ну поголовно ВСЕ парни, которые мне встречаются, какие-то не такие! Они все абьюзеры! – Вася возмущённо сверкнула глазами. – А самое-то страшное, так это то, что я в своей родной семье не могу чувствовать себя в безопасности – родители... можешь себе представить... – тут Вася заговорщицки понизила голос и прошептала, – Они тоже такие! С самого раннего детства, можно сказать с младенчества, ко мне применялась тактика скрытого абьюзивного воздействия! – она торжествуя посмотрела на тётку.

Марина изобразила на лице зверское изумление, вполне устроившее Василису и напугавшее соседа слева, ехавшего в чёрной хонде, который изо всех сил, змееужином начал перестраиваться в другой ряд, подальше от таких нервных женщин.

Василиса тем временем заполонила Маринину машину увесистым перечнем обвинений в адрес родителей и прочей родни.

– А хуже всего бабушка! – делилась она. – Она меня кормит!

– Насильно? – удивилась Марина, Васькину бабушку отлично знавшая.

– Да! Она так радуется моему приезду, так угощает, что я не могу отказаться, а то она обидится! Понимаешь, для меня это стресс! Я ей так и говорю, а она делает вид, что меня не понимает.

– Представляю... – протянула Марина, с трудом поймавшая за хвост фразу о том, что для бабушки это наверняка тоже стресс, только значительно более болезненный. В конце-то концов, силой еду никто не пихает, приторно-сладких обидух в роду у них не водится, так что такие обвинения из-за обычного угощения, предложенного внучке, её бабуля не заслужила.

– Даааа, не повезло! – слово «бабушке» Марина разумно сказала про себя. – Но ты не переживай! У нас так точно не будет!

– А твои родители? – осторожно уточнила Вася.

– Они сейчас на дачу уехали – им примерно одинаково до работ добираться, что из дома, что от дачи, а погода хорошая, так что они там, – Марина наконец-то доехала до дома, вытряхнула из багажника Васины чемоданы и вручила их племяннице. Это уж так... чисто для того, чтобы она помолчала – когда пыхтишь, сложно на отца-мать жаловаться за то, что они тебя в школу водили, гады-паразиты!

– Так что никто тебя есть не заставит! Не волнуйся дорогая! – промурлыкала Марина, предвкушая бурную встречу живности.

– Вот кто-кто, а они меня никогда не подводят! – радовалась она вылету из квартиры мохнатой кометы, раз тридцать за пару секунд пробежавшей вокруг Васи, а возможно и по ней. – Ну, что ты застыла? Это тебе так Фуфик радуется!

– Ой, а я и забыла, что у тебя собачка есть, – с трудом продвигалась вперёд Вася. Ей казалось, что везде, ну, положительно везде, куда она собирается поставить ногу, оказывается пушистый хвост пёсика. А может, это и не хвост вовсе? Вроде из хвоста собаки не лают!

– Есть-есть, а как же? И собачка, и котик, и ещё котик, и вот, лучше пригнись, ну, что ты так испугалась – просто кошечка мимо пролетела. А вот и ещё собачка! Ну, что ты застыла?

– Соб-соб-бачка? – с третьей попытки выговорила Вася.

– Агаааа, – довольно кивнула Марина. – Ну, ладно... Это Фуфик-Фиона-Фил-Фарлаф-Тёмочка, а это просто Вася! Всем понятно? Все знакомы? Отлично! Тогда я помчалась на работу!

– Тётяяя! Соббббакккка! Я таких больших боюсь! – Вася с неожиданной прытью вцепилась в тёткин рукав.

– Аааа, ну, бывает! Ладно! Тёмочка, в комнату! – она закрыла за псом дверь, тактично промолчав о том, что Вася-то боится совсем не того, кого надо, и предостерегающе покачала головой расслабившейся было племяннице. – Тёмочка у нас самый-самый мирный и спокойный. Но как знаешь! Еда в холодильнике, постельное бельё тут, – она кивнула на диван. Запасные ключи на столике. Телефон ты мой знаешь, так что пока!

– Пока-пока-покачивая перьями на шляпах... – пела Марина, выезжая в сторону офиса. – Судьбе не раз шепнём «совсем ку-ку»!

Глава 2. Опрометчивое оскорбление котоколлектива

Чем занимается студентка, которая только-только сдала сессию и приехала на каникулы? Отдыхает? Снимает стресс подручными способами, которые у каждой свои от ноготков до конной секции? А вот и не угадали!

Василиса, как только за тётушкой закрылась дверь, добыла из сумочки смартфон и позвонила подруге.

– Привет! Ты себе не представляешь, какую жуткую ночь я пережила! – особым «взволнованно-несчастливым» тоном высказала Василиса. – Поездаааа – это нечтоооо!

– Что? Что-то произошло? Тебя кто-то обидел? – ахнули на другом конце невидимой связи.

Оооо, какое же это блаженство, слышать подобный восхитительный вопрос от человека, который тебя понимает!

Вася, воспрявшая от осознания этого счастья, как обильно и щедро политый цветок, начала излагать все свои злоключения.

– Прикинь! Я просила отца взять билеты на Сапсан, а он меня обычным отправил! Всю ночь в купе...

– Одна? – ужаснулась её собеседница.

– Да если бы! С мужчиной и женщиной! – фыркнула Василиса.

– И чтооо? – затаила дыхание слушательница.

– Баба всю ночь шуршала книгой, а мужчина храпел с присвистом! Я и глаз не сомкнула! Сто раз выходила в коридор, но так и не смогла заснуть. Ну, что за люди? Ну, знаешь, что храпишь, так зачем ездить на поездах, да другим мешать? – возмущалась Вася, не подозревая, что сама бесконечно будила попутчицу, которая шум от соседа восприняла вполне философски, а заснуть не могла от метаний молоденькой девицы, которая каждые пятнадцать минут возмущённо вскакивала, включала свет и с шумом вылетала из купе.

– Ой, Васяяяя, как же ты это вытерпелаааа... – сочувственно протянула её знакомая.

– А всё отец! Мог же послушать меня и купить тот билет, который я просила! – возмущалась Вася, – Выдумал себе, что совсем – совсем ночью мне ехать нехорошо, а рано утром выезжать – тётка встретить не сможет. Ну, могла бы на один раз и отпроситься! – сердито буркнула Вася и припечатала родителя:

– Совсем он меня не понимает!

Выслушав многословные аханья и разбор страданий до самых атомов, Вася распрощалась, но продолжала ходить по кухне, перечисляя себе под нос обиды, которыми непосвященные люди её так щедро одаряли.

Вообще-то раньше Василисе казалось, что понимающих её людей хватает...

– Как же я ошибалась! – страдала она, недавно осознав, какова жизнь на самом-то деле. В «этом самом деле», внезапно открывшемся ей, всё было совсем иначе. Не так, как раньше... Теперь-то она понимала, кто виноват во всех её проблемах и неудачах. Это же так просто – виноваты все, кто её обижал. Все, кто не понимал и мешал ей развиваться. Все, кто заставлял её что-то делать, лишая свободы выбора, определения, свободы...

На этой свободе она чуть не рухнула на пол, споткнувшись об какое-то препятствие.

– Ой, ты чего под ногами сидишь? – сердито воззрилась она на Фила, сидящего с невиннейшим видом – крылышек не хватает.

Любой котовладелец сразу бы понял, что этот кот сидит неспроста! Более того, он ей это даже сказал, правда на мявлике, конечно, но вот Марина-то тоже человек, но почти всё понимает!

– *Есть дай!* – чётко и ясно мяукнул кот, указывая на кухонный шкафчик, где жила кошачья еда.

– Чего тебе? – равнодушно пожала плечами Вася, сделав попытку Фила обогнать.

Правда там, куда она собиралась поставить ногу, как по волшебству возникла обширная кототушка, отреагировавшая на покушение пронзительным и отчаянным мявом.

Разумеется, Вася отпрыгнула, и, врезавшись в кухонный стол, плюхнулась на диванчик.

– Ты чего под ноги лезешь!? – возмутилась она, полностью убедив коллектив в необходимости принятия срочных и действенных мер.

Фил, оказавшийся на середине кухни, раздражённо подёргал шкуркой на спине и вззрился на девицу.

С точки зрения котов, она вела себя просто омерзительно!

– *Пришла, понимаешь, такая кошка-фырчушка, ничем не угостила, не погладила, не уважила, зато бормотала тут какие-то глупости, чуть через меня не прошла!* – начал Фил.

– *А мне едва хвост не отдавила!* – пожаловался Фарлаф – обладатель роскошного и толстого хвоста, смахивающего на садовый шланг.

– *А меня вообще НЕ ЗАМЕТИЛА!* – Фиона яростно засверкала глазами с подоконника, подозревая, что все прочие преступления этой наглой котонезванной гостьи меркнут перед последним её злодеянием!

– **А я, а мне...** – начал было Фуфик, и немного растерялся, – **А мне она вообще ничего не сделала, получается?**

– *Она тебя на десерт оставляет!* – зловеще прищурилась Фиона, отлично умеющая раздувать из крохотной мушки нечто слоноподобное. – *Вот, сейчас как сдееееллааааает!*

Фуфик, впечатлённый зловещими планами прищелицы, залиvisto залаял на Василису.

– Ты чего так тывкаешь? Что тебе? – раздражённо уточнила Вася, которая не только кошек не понимала, но и собак абсолютно не разумела. – Пискляво так!

– **Я? Я тывкаю пискляво? Я лай-лай-лаюююю!** – завопил оскорблённый до глубины души Фуфик.

Василиса сморщилась и заткнула пальцами уши.

Фуфик развопился так, что коты переглянулись и передислоцировались, умело предугадывая следующий шаг прищелицы, и профессионально заплетая ей ноги.

– *Как легко было предугадать! Понятно, что она соберётся смыться подальше!* – вздохнула Фиона, точным ударом и с величайшим удовольствием загоняя смартфон, выпавший из ослабевших от падения лапок Василисы, далеко под холодильник. – *Да кто бы тебе это позволил?*

Вася ошеломлённо осмотрела ладонь, в которой только что уютно помещался её электронный друг и приятель.

– Ах, вы, неуклюжие дурни! – закричала она на котов и притопнула ногой, превзойдя громкостью даже заливающегося лаем Фуфика.. – Как мне теперь его доставать?

– *Как хочешь!* – великодушно разрешили ей кошки. – *Можно лапкой!* – правда, великодушие растаяло, словно креветки с блюда, как только они осознали всю глубину Васькиного хамства. – *Чтоооо? Дурни? Да кого это ты тут так обозвала?*

– *Она мне надоела!* – брезгливо осмотрела Васю Фиона. – *Ну, ффффсёё!*

На фырканье неопытная Вася не обратила ни малейшего внимания – все силы поглотило добывание гаджета из-под холодильника. Пришлось улечься на живот, уместив ноги под кухонный диванчик, а руку просунуть в узкую подхолодильную щель.

– Ну, вот ещё чуточку, ну каааапелькууу! – она даже не сразу осознала, что случилось и почему это её организм стал как-то гораздо более приближен к Марининому полу. Даже, скажем так, приплюснут к нему.

Какой же кот не попытается улечься на спину человека, добывающего что-то из-под холодильника? Нет, может быть, и существуют такие отщепенцы кошачьего рода, но у Марины таковых не водилось!

– Ой, да вы что? А ну-ка слазьте с меня! – заизвивалась Василиса, на которую в собственных лучших традициях умостились Фарлаф и Фил. – Бррррыыысь!

– *А ты что сидишь, как не родной?* – радушно уточнила Фиона у Фуфика, перебравшись на холодильник и сверху вниз наблюдая за картиной под названием: «Засада по всем фронтам». – *Размещайся! Она, конечно, не такая удобная, как Тёма, но всё лучше, чем ничего!*

– Да она какая-то нервная... – *Фуфик* критически обозрел извивающуюся из-под всех сил Васю. – Вон как чего-то дёргается!

– *Не обращай внимания! Сейчас перестанет!* – пообещала Фиона, ловко прыгнув с холодильника на плечи Василисы. – *Вот, видишь, сразу почти успокоилась.*

– Да... только чего-то сразу очень громкая стала...

– *А она, наверное, как стиральная крутилка... Или крутится и бормочет что-то, или дёргается и подпрыгивает, или пищит!* – с видом знатока определила Фиона, постукивая лапой по Васиному затылку.

Васька была в шоке! Для того, чтобы подняться, ей нужно было перевернуться на бок и подтянуть к себе ноги, опрометчиво размещённые под диванчиком или встать на четвереньки и таким образом освободить конечности от поддвинутой западни. Перевернуться получалось не очень – мешал стол. А встать на четвереньки мешали двадцать пять с лишним килограмм живого веса, равномерно растёкшиеся у неё по спине и плечам.

– Паразиты! Пошлии воооон! Это насииииииие! – проскулила она такое частоупотребляемое слово, которое этим утром заиграло новыми красками и смыслом. – Это униииии-зииитееельноооо!

Когда же она почувствовала, что с плеч уходит одна из кошек, то обрадовалась было... но ненадолго – кошка ловко нырнула под стол, пошерудила лапкой под холодильником, достала Василисин смартфон и одним пинком лапы отправила его в коридор, а сама насмешливо оглянулась на Васю, завизжавшую что-то возмущённое.

Синие глаза были настолько осмысленны и полны насмешки, что Василиса невольно поёжилась.

– *Да что ты знаешь об унижениях, не зная кошек?* – фыркнула ей в лицо вредная Фиона, одним прыжком нагнав смартфон и треснув по нему снова.

– Разобьёёёёшь! – заорала Васька, снова застучав пятками по диванному брюху.

– *А мне-то что?* – презрительно зевнула Фиона, загоняя смартфон невежливой и нелюбезной гостью в особо тайное место котопространства. – *Думать про всяких-тут разных – ещё голова заболит!*

Марина вспомнила про Васю к обеду.

– Интересно... она уже натворила что-то котонепростительное и Фуфооскорбительное? Похоже да, раз не звонит!

Вася с трудом выбравшись из-под дивана и сбросив с себя двух толстенных котов и одну мелкую псину, рванула искать синеглазую кошку, упиनावшую куда-то её смартфон.

Кошка особо и не пряталась, правда, достать пакостницу Вася всё равно не могла – кошъ непонятным образом вскрыла плотно запёртую дверь и теперь возлежала на спине Тёмочки, изящно перекрестив лапы, словно львица.

– Где? Где мой смартфон! – разорвалась Василиса на пороге, боясь шагнуть ближе и чувствуя себя абсолютно беспомощной – как жить без смартфона она себе не представляла, телефон тётки не помнила, позвонить родителям и спросить у них телефон Марины не могла – родительский номер наизусть тоже не знала. Самое обидное, что свой собственный номер она тоже как-то не запомнила – если спрашивали – она просто перезванивала жаждущему, никак

себя не утруждая. Дальше возникла идея, навеянная американскими фильмами – набрать по городскому телефону 911 и попросить, чтобы прислали помощь.

Потом Васю настигла здравая мысль, из тех, что в последнее время ловко сшибались её новым мозговым мироустройством.

– Марина разозлится! Да и не поедет никто... посмеются только. А чего мне тогда делать?

Она сердито посмотрела на котов, прямо-таки печёнкой ощущая, что они явно развлекаются её растерянностью, и была абсолютно права.

– *Чего делать – чего делать...* – *Не знаешь, что делать – спи!* – сказал Фил.

– *Неее, лучше так – не знаешь, что делать – ешь!* – не согласился с ним Фарлаф.

– *Да что бы вы понимали!* – фыркнул Фуфик. – *Надо сначала поесть, а потом поспать!*

– *Голова...* – протянули коты. – *Главное, понять, с какой именно стороны Фуфика эта самая голова имеется!*

Фуфик был слишком высокого мнения о себе и своей внешности, чтобы обратить внимание на двух котов, поэтому, он с достоинством вынес себя на кухню и приступил к пункту первому своего плана.

Академик Вяземский с интересом поджидал приезда старшего внука и наследника, который пообещал ему некий сюрприз.

– Забавный мальчик... ну, чем он может меня удивить? – раздумывал академик. – Тем более, что он был в отпуске. Пришла какая-то блестящая идея? Так что же тут странного, – он довольно рассмеялся, – Он же в меня пошёл!

Рассуждая таким образом, академик вышел из дома, и увидев подъезжающую машину внука, принял невозмутимый вид. Но чем ближе была машина Вадима, тем более озадаченным становился академик.

Глава 3. Академическая невозмутимость

Академик Вяземский в научной среде славился своей невозмутимостью в критические моменты. Например, когда один из лаборантов напутал с реактивами и они начали реакцию, чреватую неконтролируемыми последствиями, академик, именно в этот момент проводивший краткую экскурсию для коллег-химиков с высшими научными званиями, весьма спокойно и хладнокровно сдвинул в сторону окостеневшего от ужаса лаборанта, стремительно убрал колбу от горелки и добавил нейтрализующие реакцию вещества, ни на миг не прекращая изысканно-научную беседу с гостями.

А когда в его лаборатории рванул один из агрегатов, сотрясая стены, основы безопасности и нервные окончания коллег, академик небрежно стряхнул с густой шевелюры осколки от разбитых стёкол и осведомился, сколько всего было запущено агрегатов с этими же веществами, да так небрежно, словно уточнял, обещают ли назавтра дождик или обойдётся...

Короче, сказать, что он изменился в лице и начал потрясать крепко сжатыми кулаками при виде спутницы Вадима, было бы крайним преувеличением, но левая бровь дёрнулась и невольно поползла вверх как минимум на пару миллиметров!

– Привет! – Вадим вылез из машины, обошёл её вокруг и подал руку своей спутнице.

– Ну, здравствуй... – процедил академик. – Ты мне всех своих девиц собираешься возить? По очереди?

Он-то рассчитывал одновременно продемонстрировать внуку своё недовольство и уколоть Ульяну, приехавшую в его дом без приглашения и разрешения, но Ульяна ему спокойно улыбалась, а Вадим хмыкнул:

– Я приехал со своей женой. Она у меня одна, никаких девиц больше нет, и не будет.

Неконтролируемая химическая реакция забурлила уже в крови академика, осознавшего, что внук, его старший внук, надежда, опора и продолжение, говорит абсолютно серьёзно. Что на руках и у него, и Ульяны, вызывающе сияют новенькие обручальные кольца.

– Что? – очень тихо уточнил академик. – Что ты сейчас сказал?

– То, что мы с Ульяной поженились.

– Как ты... как ты посмел! – прошипел Вяземский. – Ты понимаешь, да? Понимаешь, чего ты сейчас лишаешься? И ради чего? – он бросил взгляд на Ульяну.

– Так, дед, давай начистоту! Я уже говорил, что буду выбирать сам. Я выбрал! Ради чего? Ради того, чтобы быть с женщиной, которую люблю, с которой хочу прожить всю жизнь, от которой хочу детей!

Академик зло рассмеялся и повернулся к Ульяне:

– Милочка, а вы знаете, что он совсем недавно приезжал с исключительно вульгарной бабёнкой, которую представлял нам как свою невесту?

– Что вы говорите? И даже вульгарнее меня? – рассмеялась Ульяна. – Да, знаю.

– И вы... Вы согласны даже на такого мужа, только бы влезть в нашу семью? Мужчину, который только что путался с исключительно низкопробной женщиной? – Вяземскому казалось, что она должна оскорбиться, начать выяснять у Вадима, о ком он говорит, возможно, расплакаться.

– Я согласна на мужа, которого люблю, а до вашей семьи мне нет никакого дела – у меня своя есть! – Ульяна сверкнула глазами. – Я не подзаборная девица, подобранная Вадимом для постельных утех, поэтому, прошу вас таким тоном больше со мной не разговаривать!

– Ииии есссс! – Марина Леонидовна, которая была предупреждена сыном о том, что они с Ульяной придут к ней в гости, но сначала поставят в известность о своём новом положении Игоря Вадимовича, никак не могла пропустить такой момент и наблюдала за встречей из сада. – Аж приятно! Умница Уля! Вот не зря она мне всегда нравилась!

Надо отдать должное Вяземскому – пусть у него на языке вертелись десятки острых, ядовитых и жестоких слов, но он умел сдерживаться до нужного момента.

Деланно рассмеявшись, он пока задвинул в дальний угол моментально возникшие в голове планы дальнейших действий и чуть отступил назад, словно желая найти лучший ракурс для лицецерения внука и его жены.

– Надо же... А вы, моя дорогая, оказывается, умело притворялись простушкой.

– Нет, просто вы видели исключительно мою косметику и неуважаемую с вашей точки зрения работу. Правда? – Ульяна отлично знала, что академик будет вредить, пакостничать, пытаться вернуть Вадима, искать слабые места в их обороне, пойдёт на уловки, хитрость, хорошо, если не на подлость, но всё это будет потом, потом... Сейчас она на коне! Ни достать, ни задеть, ни выбить её из седла Вяземский-старший в данный момент не может.

Бывают такие моменты, когда человек чувствует, что он неуязвим, закрыт и защищен со всех сторон так надёжно, что куда там той броне... Примерно так и ощущали себя Ульяна и Вадим.

Осознал это и академик, но смолчать не счёл нужным:

– Ну, что же... Я не могу сказать, что приветствую это, не могу сказать, что рад за вас – я не верю в такие союзы. Мне жаль, что ты сделал такой выбор! Я его не принимаю и не признаю, а раз так, то в мой дом свою жену ты не введёшь!

– Дед, мы могли бы и вовсе тебе ничего не говорить, но я не считаю нужным врать и прятаться. Мы поженились, съездили отдохнуть, и решили, что теперь уже имеем право не скрываться! А про твой дом... Ну, как знаешь. Хотя, если честно, я и не к тебе приехал, – хмыкнул Вадим, пожимая плечами, – А к маме. Уль, пошли!

Он подал руку жене и повёл её в обход претенциозного особняка академика Вяземского, мимо самого академика, побелевшего от ярости, только что уверенного в том, что он как минимум унизил внука и его жену, а они, оказывается, и не собирались в его дом, мимо остолбеневшей от потрясения тётки Софии. Они шли вглубь сада, туда, где теперь, в бывшем гостевом доме, которым притворялся дом её родителей, жила невестка академика – Марина Леонидовна.

Марина шустро, обходными кустами, опередила парочку и, оказалась у собственного крыльца раньше, чем сын и его жена.

– Антон! Тоша! – окликнула она супруга, который теперь частенько оказывался у неё в доме, делая вид, что «просто мимо проходил», – Антон! Не делай вид, что читал, проснись и приведи себя в прилично-гостеприимный вид! Сейчас сюда идут Вадим и Уля.

– Какая ещё Уля? – недовольно забубнил Антон Игоревич Вяземский, невольно поёжившийся от воспоминаний о прошлом визите сына с «невестой» Светланой, легко и непринуждённо доставшей его до печёнок и глубже. – Они же расстались!

– Они поженились. Так что активизируйся, а лучше умойся – у тебя на щеке отпечаталась поверхность диванной подушки.

– Они что? Погоди-погоди... что ты сейчас мне сказала? Мне чего-то такое послышалось... – забеспокоился Антон, но жена уже выскочила из комнаты, заторопившись встречать сына.

Игорь Вадимович смотрел в спину старшего внука так, что его рубаха могла бы задымиться...

– Поверить не могу! Просто верить не могу... – стенала рядом София.

– Во что ты не можешь верить? – процедил Вяземский.

– В то, что он пошёл против твоей воли! Что женился на этой... косметичке... – ужасалась София.

– У неё свой бизнес и высшее образование! – исключительно из чувства противоречия фыркнул академик. Его раздражали причитания дочери, так что он с удовольствием восполь-

– Возможно... знаешь, оказывается, вредно не позволять себе делать те вещи, от которых ты становишься счастлив. Например, готовить то, что нравится, ну, хотя бы готовить это для себя. Или вот, завести кур... Я никогда не думала, что у них есть и разум, и характер, и яркая индивидуальность! К примеру, петух очень не любит твоего отца и гоняет его почём зря! – Марина рассмеялась. – А одна из кур питает явную слабость к твоему деду.

– И до сих пор жива? – изумился Вадим.

– Как это ни странно. Пожалуй, она его даже слегка забавляет. У него, ты знаешь, несколько своеобразное чувство юмора.

– Да уж... У деда всё своеобразное! – фыркнул Вадим. – Полагаю, что сейчас он вопьётся в Макса, чтобы заставить меня занервничать и снова сунуть голову в петлю удавки.

Марина Леонидовна кивнула.

– Однозначно! И именно поэтому сейчас, – она покосилась на настенные часы, – Ну, почти сейчас, Елизавета Петровна садится на поезд Москва-Питер и выезжает ко мне! Вы же помните Елизавету Петровну, мои хорошие?

Вадим и Ульяна переглянулись и активно закивали головами. Они оба отлично помнили бабушку Милы – жены Максима.

– Её прошлую встречу с дедом забыть просто невозможно! – рассмеялся Вадим. – Даже представить себе не могу, что он скажет, когда увидит её тут!

– А что? – со свежеприобретённой безмятежностью отозвалась Марина. – Мой дом, имею право приглашать кого хочу! И, главное, именно это и буду делать! Может, хотя бы так заставлю Игоря Вадимовича восстановить забор.

– Кстати, я был уверен, что он это уже скомандовал сделать! Хотя бы из-за кур! – удивился Вадим.

– Если восстановить забор, то поздней осенью, зимой и ранней весной, короче, большую часть года, Игорь Вадимович будет видеть из окна его часть... – хмыкнула Марина. – Куры ему не мешают, а за охотой петуха Арсения за Антоном, он, если честно, по-моему, вообще любит наблюдать – это его веселит! Иначе я не могу объяснить тот факт, что он, отлично зная, что твой отец постоянно наносит мне визиты, не только не возражает, но ещё и выходит в сад – полюбоваться на их окончание и триумфальное возвращение профессора с Арсением на хвосте.

– Сегодня, вроде, всё прошло благополучно? – заметила Ульяна.

– Ещё не вечер, моя дорогая, ещё не вечер! Сейчас Арсений занят – он кур повёл на песчаную кучу – там в это время солнце, а вот через пару часов увидите, что будет, пусть только Антон выйдет...

Антону выйти пришлось – неугомонная и с детства вредная сестрица собралась ехать домой и заставила его погрузить её сумки в багажник машины.

– Можно подумать, она сама не могла поднять... – ворчал профессор Вяземский. – Тоже мне... цаца! Марина вот никогда такой ерундой не страдала. Правда, завела проклятых кур и тепуха, то есть петухааааа! – последнее «аааа» произошло из-за того, что вышеупомянутая птица вывалилась из кустов на дорожку, поскребла лапами, как бык, который жаждет крови тореадора, и устремилась на несчастного представителя профессуры.

– Ааааатстаааань! – привычный уже боевой клич Антона Игоревича Вяземского отвлёк от разговора и Марину, и Вадима с Ульяной, и даже самого академика, оставившего расчёты и подошедшего к окну.

– Аааатвьяаяжииии! – вопил Антон, петляя по дорожкам вспугнутым зайцем, – Уиии! Уи-уи-уидииии!

– Так бы и слушала, и слушала! – счастливо шепнула Марина, на ухо Ульяне. – Но его пока надолго не хватает. Антона, разумеется, не петуха. Правда, результаты забегов с каждым

днём всё лучше и лучше, так что надежда есть... Ладно, пойду спасать супруга! Что ж с ним делать-то?

Она вышла из дома, прихватив жестяную банку для сыпучих продуктов и потрясла ею.

– Цыпа-цыпа-цыыыпаааа! – этот клич, дополненный шорохом зерна в заветной банке, моментально переключил Арсения из режима «догнать и прибить вредную человечину» на более мирный «Собрать курожён на еду».

Глава 4. Суета вокруг диванов

Василиса долго и упорно искала свой смартфон.

Под столами, стульями, диванами и кроватью, под шкафами и креслами всех открытых помещений она проверила в первую очередь – ничего!

– Куда эта припадочная кошка упихала мой смартик? – ярилась Васька. – Ну, куда? И эти ещё... Чего вы за мной ходите? Пшли отсюда! – ругалась она на котов и рычащего что-то явно ругательское Фуфика, неотступно следовавших за забавной человечкой.

Коты Васины крики воспринимали философски, но вот Фуфик...

– **Куда? Куда ты полезла? Нет, вы видели, куда эта Недовася полезла?** – возмутился он, законно подозревая Василису в том, что она найдёт и слопаёт его оособоценные запасы.

Ещё его до глубины души оскорбляла эта бесцеремонность:

– **Ходит везде, заглядывает, а, главное-то что? На меня внимания не обращает! Я же запрещаю -лай-лай-лаю!** – захлёбывался он. – **Куда ты пошла? Тут же закрыто! Низззя!**

– Да хватит тебе визжать! – не выдержала Василиса, которая в запертую комнату заглянула просто из извечного своего любопытства, совершив очередную, и как выяснилось, роковую ошибку.

– **Визжаааать?** – вконец развопился Фуфик, и, позабыв строгое хозяйское «нельзя кусать гостей», грозно засопел, старательно примерился, иии... вцепился в самую тонкую из доступных ему частей «Недоваськи».

Василиса, не ожидавшая ничего подобного, заорала так, что легко перекрыла визгливые вопли Фуфика, и запрыгнула на диван в комнате Марининых родителей, надёжно оккупировав его спинку.

Там её Марина вечером и обнаружила.

– Вася? – окликнула она племянницу от входной двери. – Василиса?

– Тётяяя! Я туууут! – скулёж, донесшийся из комнаты родителей, Марину удивил. – Скореееей!

Марина заскочила в комнату и изумлённо воззрилась на дружескую кото-собачью компанию, надёжно сторожившую Ваську, с ногами забравшуюся на спинку дивана.

– Вась? А что тут...

– Тётя, держи псаааа! Я сейчас того... разольююююсь! – проскулила Василиса.

Марина прихватила ошейник Тёмочки, радостно засопевшего от её прикосновения, и только брови подняла, оценив скорость телепортации племянницы в сторону туалета.

– Я не поняла... Ты чего, не пускал её? – уточнила она у Тёмы. – А почему?

Ответил ей Фуфик. Он многословно и грозно рассказал о происходящем. Да, на собачьем языке – гаворе, но вполне понятно.

– Потому, что они все гадские, невоспитанные и противные твари! – заявила Вася, появившаяся на пороге комнаты. – Они загнали меня на диван и не выпускали! Этот здоровенный паразит примчался, лёг тут и не пускал! – она обвиняюще ткнула пальцем в Тёмочку. – Это ты виновата! Плохо его заперла! Твоя кошка вскрыла дверь! Ты виновата!

– Дааа? – засомневалась Марина. – А почему, кстати, вы все тут оказались? Комната родителей была закрыта.

– Я смартфон искала! – оскорблённо ответила Вася. – Это уже они виноваты! А твоя кошка, та, которая с синими глазами, ещё и ворюга! А ещё, ещё они по мне прыгали, и встать не давали! И диван мешал – ноги держал, а потом смартик пропал, а я его пошла искать!

Образ дивана, который коварно напал на Васю, схватил её за ноги и держал, Марину прямо-таки восхитил!

– Вась, а от хищного дивана ты как отбилась? – не выдержала она.

Василиса гневно сверкнула глазами на тётку.

– Издеваешься? Это ты виновата! Твои животные... они же совсем невоспитанные! Меня по затылку били, а эта тварь мелкая, – она кивнула на Фуфика, экстремально выпучившего глаза и рычащего уже на грани своих возможностей,

– Он меня за лодыжку укусил!

– Фуфик? Укусил? А что ты такого сделала?

– Я не виновата! Это всё они! И ты! Я вообще отдыхать приехала – на каникулы! А тыыы! Ты же могла взять отгул, а вместо этого бросила меня с этими тварями! Я не отдохнула, не поела, не поспала, даже с подругой не поговорила, а она одна-единственная, кто меня понимает!

– Так, а почему ты с подругой не поговорила? И почему, если уж на то пошло, не могла мне набрать – я бы в обед приехала и спасла бы тебя с дивана, – Марина отлично всё Васиного хамство уловила, но решила немного подсобрать данные, благо уже кое-что интересное в выкриках племянницы нарылось...

– Ты что? Издеваешься? Да как бы я могла? Я ж тебе сказала – кошка упинала куда-то мой смартфон!

– Вася, разуй глаза, у нас в квартире целых два городских аппарата. Причём один из них прямо около дивана стоит!

– Да я ни один номер не помню! – взвизгнула Вася. – Кто их запоминает-то? Всё ж в смартике...

– А смартик неизвестно где... – хмыкнула Марина. – Так, давай подытожим... Ты уронила смартфон,

– Нет, они меня чуть не сбили с ног, выбили из рук смартфон, он укатился под холодильник, я, конечно, туда полезла. А они улеглись сверху, и диван не пускал ноги!

– Он виноват! – подсказала Марина, отлично уловившая главный Васин принцип, как припев, повторяющийся практически в каждой её фразе: «Они (вы, ты) виноваты – я НЕ виновата».

– Да! – Вася, услышав любимое словосочетание, охотно с ним согласилась. – А потом, кошка-ворюга достала мой смартик и куда-то с ним убежала. Я вылезла...

– Диван отпустил? – поинтересовалась Марина, не ведавшая ранее, насколько у неё креативная и активная мебель.

Вася, заподозрив насмешку, рассердилась:

– Ты ещё и издеваешься? Вот я Томе всё расскажу! Это же... это же вид абьюза! Она знает какой...

– Тома это твоя подруга, которая тебя понимает? – как можно более безразлично уточнила Марина.

– Да! Она мне так помогла! Она – такой классный коуч! Я с ней на курсах расширения сознания познакомилась! Ой, да! Мне же ей позвонить надо! Всё-всё рассказать! Где же мой смартфон?

– Ну, позвони с моего... – предложила Марина, рассчитывающая заполучить контакт этой замечательной коучи... коучихи... короче, наставника в расширении сознания неразумно-нерасширенных сознанием дев.

– Да я ж номер её не помню! – взвыла Вася. – Гдееее мой смааартфоооон?

Она полезла под диван, и уже не увидела, сколь коварно ухмыляется тётушка, мгновенно изменившая план действий и поощрительно наглаживающая всю свою стаю.

Вася тем временем продолжала репортаж о дневных приключениях уже из-под дивана:

– Так вот, я вылезла и побежала из кухни за кошкой, а она ррраз и к псу твоему страшному! Там как-то оказалась. А вот куда она смартик дела я так и не поняла. Я начала искать, а этот припадочный меховой коврик – верещать! А потом взял и цапнул меня за ногу, я его, конечно же отбросила, – тут Васька в очередной раз покинула поддиванье и узрела тётку, заботливо осматривающую Фуфика. – Ты его ещё и жалеешь!

– Конечно! Ты же могла ему что-то сломать или повредить!

– ТётьМарина! – Вася топнула ногой.

– Ась? – откликнулась Марина. – Вроде всё нормально... Да, мой маленький?

– Ты... ты... это ты во всём...

– Признаю свою вину, меру, степень, глубину и так далее по тексту. Ну, что ты так смотришь? Это «Сказ про Федота стрельца».

– Аааа, ну, я древнерусское творчество не изучала, – отмахнулась Вася, – Короче, я его отшвырнула от себя, а он заверещал и тут появился этот... – она кивнула на Тёмочку. – Примчался, чуть столик не снёс, обнюхал этого психа, – кивок на Фуфика, – Рыкнул на меня и не выпускал! Это ты винов...

– Вась, ты приехала в чужой дом. Тут порядки свои. Никто тебя никуда не загонял бы, если бы ты не скандалила и не лазила по комнатам. Закрытым комнатам, кстати. Чего ты тут смартфон искала, если дверь была закрыта?

– Ну, мало ли, а вдруг кошка под дверь подпихнула?

– Вась, у тебя смартфон толщиной с лист бумаги? – осведомилась Марина, подозревая, что дело не только в смартфоне, а ещё в Васькином неискоренимом любопытстве.

– Да, это я и не сообразила. Просто, больше нигде его не было, вот я и решила там проверить! – Вася оправдываться терпеть не могла, поэтому, применила приём, которому её научила Тома:

– Ты сейчас осознаёшь, что являешься абьюзером, нарушаешь моё личное пространство, мои права и душевное равновесие?

– Отчётливо! – с удовольствием призналась Марина, легко, сходу и одной-единственной фразой, погрузив Васю в глубоководный транс.

Елизавета Петровна могла самостоятельно добраться хоть в Зимбабве, а не то, что на дачу под Питером, но встречающий её на вокзале Вадим, отлично осознававший этот факт, решил, что это его прямая обязанность!

– Елизавета Петровна, здравствуйте, рад вас видеть! – поздоровался он с выплывшей из вагона Елизаветой, обратив внимание, что в руках у неё дамская сумочка, а вот чемодан и дополнительную сумку выносят за ней двое мужчин весьма серьёзного вида.

– Спасибо, мальчики! – заулыбалась им Елизавета, а потом повернулась к Вадиму. – Здравствуй, Вадим! – она машинально отметила, что мальчику общение с его драгоценной Лизой-КатаЛИЗатором и женитьба пошли очень даже на пользу!

– Как изменился Вадим! На человека стал похож, а не на ходячую химическую формулу, до последнего значка переполненную снобизмом и высокомерием, – подумалось ей. – И встречать сам вызвался, опять же, Мариночка даже удивилась...

Вадим настоял, чтобы она заехала к ним с Ульяной в гости, а потом уже он отвезёт её к маме.

Он пару раз покосился на невозмутимую Елизавету, а потом не выдержал... не было у них возможности поговорить наедине с того самого их последнего разговора на свадьбе у Макса.

– Вы были правы! – произнёс он, и был уверен, что Елизавета спросит, в чём именно она была права, но она только чуть улыбнулась. – Не спросите в чём? – не выдержал Вадим.

– Зачем? Я и так поняла о чём ты. О нашем последнем с тобой разговоре... О котах и их выборе.

– Лет двести назад... – пробурчал Вадим почти неслышно.

– Ну, у нас не думаю, а вот в Европе, да... могли бы и сжечь как ведьму, – согласилась Елизавета с его почти беззвучным высказыванием:

– Они там вообще очень нервные. Как были, так и остались. Чуть что – сразу у них кто-то виноват! Причём, что показательно – явно не они. Этаким евростиль мышления.

Вадим покосился на Елизавету и покрутил головой.

– Нет, не бойся, мысли я читать не умею. Почти никогда, – мягко сказала она.

– Ничего себе... не бойся! – фыркнул Вадим, и наконец-то рассмеялся, подумав о том, что Макса он теперь уважает гораздо сильнее – он-то с Милиной бабулей общается часто.

– Да, он умник, твой брат! – ответила Елизавета на невысказанную Вадимову мысль. – Ну, всё, всё, я просто пошутила! Как там твои девочки – Уля и Лиза? – она перевела разговор на беспроигрышную тему, и подумала, что её кошки, решив, что Вадим заслуживает шанс, не ошиблись – рассказывая о жене и собственной кошечке, он и про кота Ульяны не забыл упомянуть.

– Не думал, что они так подружатся сходу. Спонж Лизку опекает, защищает, ругается даже – ворчит так забавно! Прижмёт лапой, чтобы не сбежала, умывает и высказывает что-то этакое, нравоучительное. Да, забыл спросить, а вот те мужики, которые вам вещи выносили – ваши знакомые?

– Как тебе сказать... сейчас уже да. В поезде и познакомились, – улыбнулась Елизавета.

Вадим только плечами пожал:

– А выглядело со стороны так, словно они вас с собственного детства знают, и примерно с тех же пор готовы по первому свистку что угодно сделать!

– Ты преувеличиваешь... – Елизавета не стала говорить, что попутчики предлагали её и отвезти куда ей угодно, а если проблемы есть, то и разобраться с кем надо. – Просто хорошие люди. Да не фыркай, выглядят они грозно, конечно... Ну, просто бывшие военные, сейчас в охране работают, так что ничего такого.

– Чего-то мне кажется, что они вам свои биографии изложили от и до, причём без малейшего усилия с вашей стороны.

Елизавета усмехнулась, мальчик был прав, конечно, но вот подтверждать это она не собиралась, а вместо этого заговорила про Максима.

– Он тебе собирался позвонить.

– Да, мы сегодня уже разговаривали – дед ему прямо вчера сходу набрал, начал сулить золотые горы и реки, полные научной славы за возвращение в институт. Макс отшутился, сделал вид, что всерьёз не воспринял.

– Пока разумно потянуть время! – покивала головой Елизавета. – А потом посмотрим!

– Что-то мне подсказывает, что посмотрим мы на действие противоакадемической ядерной боеголовки дипломатического воздействия, – подумал Вадим, и уже даже не особенно удивился, услышав от Елизаветы ответ на свои мысли:

– Да, примерно как-то так! Но я твоего дедушку сразу предупредила, что ни Милу, ни Макса в обиду не дам.

– Мне прямо-таки завидно! – вздохнул Вадим, подразумевая тот факт, что Максима так защищают...

– А ты, мой хороший, теперь и сам справишься! – отреагировала Елизавета. – Собственно, как раз ты и можешь его понять от и до. По уровню одаренности ты ближе всего к деду, да и так есть общие черты. Только ты сумел выбраться из его паутины, а он так в ней и остался.

– По-моему, ему там очень неплохо! – проворчал Вадим.

– Было неплохо, пока он мог создавать вокруг иллюзию жизни, эмоций, переживаний и суеты. Пока были ниточки, за которые он мог вас дёргать по своему усмотрению, чувствуя

себя вершителем судеб, – невесело отозвалась Елизавета. – Я так понимаю, что он и сам в молодости жил именно так.

– Да, бабушка рассказывала, что и его родители и дедов дед были полностью погружены в науку, воспитывали его в принципах «химия превыше всего» и он лишь один раз вышел из повиновения – когда на бабуле женился. К счастью, она тоже была химик, иначе они бы бабушку и вовсе не приняли.

Вадим и сам не осознал, как так вышло, что он принялся рассказывать о своей бабушке. Причём, пока они доехали до квартиры, где гостью ждала Ульяна и Лиза со Спонжем, Вадим успел изложить всё, что помнил осознанно, а вот пока они ехали до посёлка, где были владения академика и Марины Леонидовны, он принялся рассказывать вещи, которые внезапно и неожиданно всплывали в памяти, только к концу поездки сообразив, что всё это всплывало в памяти благодаря Елизавете.

– Как-то она вопросы ставила, что ответы сами собой появлялись! – пробормотал Вадим. – Да уж... что ни говори, а деду с ней будет совсем не просто, и, наверное, это к лучшему – с Елизаветой общаться – это ему не маму шпынять почём зря. – Не исключаю, что она и из него добудет нечто такое, о чём он и не думал, и не собирался даже...

Глава 5. Вся прямновая

Как легко становится жить, когда внезапно оказывается, что ты ни в чём не виноват. Ну, то есть вообще ни в чём! Всё, что у тебя не получилось, прошло мимо, сделано не так как надо или не сделано вовсе – это всё-всё из-за НИХ! Они, это ОНИ виноваты! Кто они? Ну, как же! Те, кто тебя не понял, не поддержал, прошёл мимо, или наоборот, поддерживал так, что подавил, а то и вовсе оказался абьюзером, а ведь всем уже известно, что эти самые люди тотально виноваты во всём разом!

Нет, Вася не сразу оценила всю прелесть и мудрость этого убеждения. Как-то странно было сначала, но Томочка ей всё-всё объяснила.

– Василиса, ну, сама посуди... Даже твоё имя... Почему твои родители не подумали о тебе, когда так тебя называли?

– А что плохого? – Ваське её имя с детства нравилось – было в нём что-то сказочное, какое-то ожидание чудес, королевича на коне... И Васей её одноклассники не дразнили, а вполне уважительно звали – за дразнилки Васька и треснуть могла нехило. Поди подразни девчонку, которая самбо занимается... Нет, попробовать-то можно, только вот потом будешь долго и упорно обдумывать, цел ли ты и вообще, каким образом оказался именно тут, хотя только что был на другом конце класса.

Но Томочка даже с этим Васькиным убеждением управилась в два счёта:

– Дорогая, ну, это же смешно! Правда-правда. Это как Дуня или Акулина... немодное, замшелое имя. Так только какую-то старушку могут звать! А вот твои родители и не подумали о том, каково тебе будет! А крещение? Разве можно насильно крестить младенца? Ты же не сказала им, что согласна? Нет! Значит, это насилие!

Насилием над её личностью оказалась и умнейшая репетитор по английскому, которую оплачивали родители, подчас отказывая себе в каких-то приятностях и радостях, Васино самбо, поступление в институт на айтишника, и вообще всё-всё, что делали её родные.

Нет, сначала Вася пыталась было возражать, но ей объяснили, что это «стокгольмский синдром», что вполне-вполне доказывает, что она – жертва.

Вася и сама не могла уже вспомнить, что именно её так привлекло в том тренинге, ну, не хотела же туда идти, но уговорила институтская подруга.

– Вась, да ты чего? Это же в самом тренде! Это супертренинг, нам ещё повезло, что есть свободные места. Пошли-пошли, у меня знакомая там была, говорит, что почувствовала себя прям новым человеком!

Вася тоже почувствовала себя «прямновой». Правда, сначала удивлялась, почему все в небольшом зальчике так слушают тонкогубую субтильную блондинку, чуть не рты раскрыв, почему ловят каждое её слово.

Теперь-то, когда Томочка стала самым-самым важным человеком в её жизни, Вася сама себе удивлялась – как она сразу не осознала, с каким удивительным человеком её свела судьба! Не уловила сразу, как неподъёмно тяжко она раньше жила, придавленная со всех сторон абьюзерами разных сортов и мастей, как её измучили всякими разными обязанностями и долгом.

– Вася, запомни! Ты же не просила их себя рожать? Нет? А раз так, то ты им ничем и не обязана. Они же ребёнка не для тебя, а для себя родили! И всё остальное делали тоже для себя! Чтобы им было чем заниматься, чем гордиться, а потом и взвалить на тебя какие-то обязанности! Ни-ка-ких обязанностей у тебя нет!

– Правда? – удивлялась Васька, не подозревая, что её Томочка, которая так отважно спасала Василису от гнёта долга, паутины «удушающей» родительской любви, от попыток других людей «закабалить» её, прикидываясь добренькими, сама отнюдь не проста.

Поначалу деньги за личные занятия с суперкоучем Вася платила просто смешные. Паа-адумаешь... билет в кино стоит больше! Потом они стали заниматься всё чаще и чаще, потом перешли на «неформальный стиль» – ежедневные звонки. А это уже выходила совсем другая сумма. Нет, Вася, сообразив, что получается как-то накладно, попыталась было снизить количество звонков, но...

Но у неё ничего не вышло! Мягкий, но уверенный голосок Тома, скидывающий маски с волков, которые постоянно подкрадывались к Василисе, скрываясь под образами нормальных, обычных, а то и близких людей, стал просто необходим!

Вася иногда чувствовала себя похожей на помидор в бабушкиной теплице – она упорно и быстро росла как личность, ежедневно расширяла свои горизонты, выпуская всё новые и новые листья убеждений, но ощущала, что почему-то не может стоять на ногах без подпорки и подвязок. Именно это и давали разговоры с Томой – уверенность в правильном восприятии мира, в том, что она всё-всё делает как нужно. После разговора с ней становилось так приятно, легко, бездумно. Как... как после удачного шопинга!

Если бы Васе сказали, что Тамара Павлюченко очень успешно применяет на ней навыки НЛП, то есть нейролингвистического программирования, легко и насмешливо манипулируя её сознанием, Вася ни за что бы не поверила!

Это ведь только Тома и стояла между ней, Василисой, и жестоким миром, постоянно давящим на неё, что-то требующим, миром насилия и жестокости!

Это именно Тома научила её защищаться, отбиваясь от окружающих абьюзеров, выводить их на чистую воду мудрёными вопросами, которые надо было задавать быстро, стремительно переспрашивать, повторяя одну и ту же формулировку много раз, сбивая насильника с толку.

С Мариной, Василиса, разъярённая омерзительным к ней отношением, начала отрабатывать привычный «контрудар», а получив абсолютно неожиданный ответ, разваливший привычную словарную конструкцию, опешила и растерялась.

– Ты... ты признаёшь, что ты абь... абьюзер? – потрясенно выговорила Вася. Обычно-то все с пеной у рта отрицали подобные вещи!

– Ага! – с видимым удовольствием кивнула тётка. – Ужинать будешь?

Не дожидаясь ответа остекленевшей от полного разрыва шаблона Васи, Марина отправилась на кухню.

– Так... и что это у нас за интересная такая Томочка? И почему это Васька смартфон ищет, словно умирающий от жажды человек воду? Интересненько так, да? Да! Ну, где её гаджет, я знаю. Если спёрла его Фиона, то найти несложно. А раз так, то нужно его быстренько обесточить, чтобы дитяtko не догадалось на него позвонить... Нечестно? Есть чутка... Но раз уж я честно и превентивно призналась в том, что я абьюзер – надо соответствовать, однако. А то, что такое? Напраслину на себя мы не возводим – не наш метод!

Пока Васька пыталась осмыслить нечто, абсолютно не уместящееся в её сознании, Марина стремительно и бесшумно извлекла из абсолютно секретного тайника Фионы Васькин гаджет, сняла заднюю панель, ловко вытряхнула аккумулятор и перепрятала разобранный смартфон поглубже.

– А что? Покатился по полу, ушибся, понимаешь, об стену, распался – непрочное такое всё, однако... Короче, упс, как любят говорить американцы. Упсанулся он! – подвела она итоги печальной смартфонной жизни.

Когда Васька притащилась в кухню, тётушка что-то мурлыкая себе под нос, переворачивала на сковороде свиные рёбрышки, брызгая на них лимонный сок и посыпая ароматной приправкой. Запахи едва не сбили с ног оголодавшую за целый день Ваську. Она невольно принюхалась, но одёрнула себя – разговор предстоял серьёзный!

– Тётъ, но как же так? – воскликнула Василиса. – Ты прям сама призналась в том, что ты... абьюзер!

Марина обернулась к ней с кухонной лопаткой и рассмеялась.

– А как же... Конечно! Хочешь – не хочешь, а приходится.

– Нет, так нельзя, надо это... безнасильственно жить! – заторопилась Вася.

– Васенька, вот смотри – это Фил. Видишь, да, котика? Ещё бы – он личность заметная даже на фоне Тёмочки! Он, Васька, обожал гадить по углам. Вот деликатесами его не корми, дай до чистого пола добраться! И пришлось мне Вась брать этого доброго котомолодца за шкирку и тыкать его рожей наглой в содеянное!

– Но можно же словами! Любовью! – Вася с надеждой на поддержку покосилась на кота, но узрев мрачно-презрительный взгляд, как-то сама засомневалась в сказанном.

– Ага, можно, только без толку. Я пробовала, чесслово! – весело заверила её Марина, взмахнув лопаточкой над сковородой.

– А вот та красавица – Фиона обожала раздирать угол дивана и жрать оттуда поролон. Нет, мне даже дивана ради неё не жалко, но она же погибнет! И опять разговоры взяли и не подействовали! Пришлось насильно облить диван, его угол и проклятый поролон маслом цитруса, что бесспорно можно назвать насилием над котоличностью! А провода!

– А что провода?

– Фуфик их жевал. Ну, ты же с физикой в школе встречалась, да? Знакомы вы с ней? Сама понимаешь, кто тут у нас по проводам бегает. Вот! Ты понимаешь, а Фуфик нет. И пришлось мне становиться опять злой-злой и мазать провода мазью левомеколь, потому как мазь эта дико горькая – псу и котам не нравится! Скажешь абьюз чистой воды? И будешь права! Зато, пёс жив и провода целы!

– Ну, ты не понимаешь, это другое! – убеждённо произнесла сакраментальную фразу Василиса. – Это же ж животные.

– Ага, хорошо, берём людей. Вот родишь ты Васька ребёнка. Нет, ты представь! Вот тебе ребёнок! – Марина кинула племяннице диванный валик. – Прям даже форма подходящая! – одобрила она его. И скомандовала:

– Не смотри так на валик, ты его смущаешь! Нежнее давай! Ещё нежнее, а то он тоже тебя потом обвинит в недостатке любви и понимания его личности! Так вот, есть ребёнок и он МА-ЛЕНЬ-КИЙ. То есть совсем! Перевернуться сам не может, голову пока не держит, сказать, чего он хочет тоже не в состоянии, а ты должна его накормить! А ну, как он не молоко хочет, а вовсе даже свининку? – Марина ловко выложила жаркое и жестом вышколенного официанта поднесла блюдо к валику.

Василиса автоматически прикрыла верхний край валика ладонью, словно защищая его от неподобающего питания, и Марина внутренне возликовала:

– Рефлексы работают! Ну, ура, товарищи! Осталось мусор из мозга вытрусить, и будет Васька как новенькая!

– Тётъ, ты чего? – изумилась Вася. – Кто ж маленькому мясо даёт? – она чувствовала себя очень странно, наверное, как Алиса в стране чудес...

– Ачётакое? Может, ему так хочется?

– Так вредно же!

– А как же его личность и свобода? Эээ, да ты, матушка, сама почти готова вступить на путь абьюза! – хмыкнула Марина. – Ладно! Вырос младенец. Ну, пусть не совсем-совсем, но говорить умеет. И говорит он... – Марина сделала вид, что прислушивается к валику и Вася неосознанно сама прислушалась – так убедительно тётушка всё представляла.

– Ууууу, он не хочет кашу, суп, котлетку и курочку, овощи и фрукты, а хочет он конфеты, чипсы и колу! Ну, хорошо, опппа! – Марина как фокусник взмахнула кухонным полотенцем, и в руках у неё откуда ни возьмись появилась конфетница, доверху наполненная шуршащим

счастьем. – Кушай, маленький и ни в чём себе не отказывай! – сладко пропела она, протягивая ёмкость «малышу».

– Тётъ, ну, что ты паясничаешь! Понятно же, что нельзя малышей так кормить! – рассердилась Вася, не подозревая, что Марина осознанно ставит её в ситуации, странные с точки зрения обыденного кухонного разговора. Жесты, игра, в которую Вася уже вовлечена, взмах ткани перед глазами потихоньку сбивают настройку так успешно отлаженную Томочкой.

– Прекрасно! Ты уже почти-почти кандидат на мать-абьюзер года! – рассмеялась Марина. – А теперь, вуаля! Мальчик вырос и пошёл в школу!

Её руки ловко выхватили валик, накрутили на него полотенчику, так, что получилось что-то вроде ворота рубахи. Валик был установлен стоймя на стул и придвинут к столу.

– И вот, приходит дитячко домой и говорит: «Там нам какие-то гнусные люди сказали делать домашку, а это насилие над моей личностью – я мультики хочу смотреть!»! – пронзительным голоском протараторила Марина.

– Ну, да... это вообще-то насилие, конечно! – протянула Вася, старательно настраиваясь на Томину интонацию.

– Так давай, скажи ему это! Мол, хорошо, мальчик мой, иди, смотри мультики. И ничего, что ты читать – писать не умеешь!

– Как это не умеет? – оскорбилась за «сына» Вася. – Сейчас все до школы учатся этому!

– Милая, да как же учиться-то, если не хочется!

– Так в игровой форме! – парировала Вася.

– И так не хочется! А хочется, к примеру, залипнуть в компьютерной бродилке и не выбираться оттуда сутками! Или мультики смотреть, или ещё что-то такое! Короче, не напрягаться вообще!

– Ну, надо убедить!

– Как твои родители тебя убеждали английский учить? – как можно безразличнее поинтересовалась Марина.

– Да! Понимаешь, мне показали фильм на английском, но я не поняла очень много чего...

– Вася с жаром начала рассказывать, а потом осеклась...

– Ну, да. Это тоже можно называть ограничением твоей личности. Ты же не хотела, а тебя убедили, – кивнула Марина, – Но ты, конечно же, не будешь так делать со своим ребёнком! Ты же против этого! Ладно, давай, Вась ужинать!

– Мне... мне надо смартик найти. Срочно! – Вася прямо физически чувствовала, как высокая и раскидистая помидорина её убеждений начинает как-то покачиваться, клониться. – Мне очень нужно поговорить с подругой!

– Конечно, только давай поужинаем и поищем, – Марина отложила на диван талантливый валик, так успешно сыгравший мальчика, и Вася автоматически проводила его взглядом. – Есть хочется! Ваааась, твоя личность не сочтёт оскорблением моё предложение?

– Аааа? – опомнилась Васька, заглядевшаяся на «мальчика», который был-был, рос, капризничал, не хотел учиться... Как-то всё сложнее получается, если смотришь с такой стороны... И почему она раньше не думала об этом? – Да! То есть нет, не сочтёт, давай поедим, а то я голодная, как волк!

Академик Вяземский шурясь на солнечный свет, пробивавшийся сквозь яркую листву, продумывал стратегию общения с внуками. Так иные полководцы готовились к сражению – просчитывая все возможности ходов противника, блокируя их, загоняя в угол.

На шум подъезжающей машины и деловито прошагавшую мимо Марину он не обратил никакого внимания – ворота на участке пока были одни и его это абсолютно не смущало. Он вообще умел абстрагироваться от мелких неудобств.

Погрузившись в размышления о том, как именно одним ударом вернуть неразумных внуков в полное подчинение, академик не сразу уловил, что в окружающем мире что-то изменилось – появился какой-то весьма раздражающий фактор.

Академик, решив, что ему померещилось, чуть потряс головой, а потом изумлённо уставился на проплывающую между деревьями женскую фигуру. Звучный голос, который некоторое время назад довёл его до чистой и неприкрытой ярости, разметав в клочья его планы относительно Макса, доносился до него вовсе не в ночном кошмаре, не в приступе морока, а явно наяву!

– Какого... Да что тут делает эта бабища? – прошипел академик, осознавая, что бабищей назвать эту особу как-то не очень справедливо. – Что она тут забыла?

– Мариночка, какой замечательный самшит! – послышался голос проклятой бабки Максовой коровницы.

– Откуда? Как? Кто разрешил? – наливался академик дурной яростью, распахнул французское окно, ведущее в сад, широко шагнул, не глядя под ноги, споткнулся о рыжую курицу, терпеливо сидящую в засаде у его кабинета, и вломился головой вперёд в кусты, выпав оттуда почти под ноги прогуливающимся дамам.

– Оооо, Игорь Вадимович! Рада вас видеть! Вы так торопились нас приветствовать, что чуть было не упали? – лучезарно улыбнулась ему Елизавета Петровна, сразу ощутив, что визит-то удался с самого начала – вон как академика перекосило, прямо чуть было дым из ушей не пошёл. – Ну-ну, не стоило так спешить! Меня Мариночка пригласила надолго, так что мы с вами ещё успеем наобщаться!

– А я всегда говорила, что превентивный пинок ближнему своему врагу, нанесённый в его логове, значительно производительнее, чем сражение с ним же у собственных врат! – с удовлетворением подумала Елизавета Петровна, наблюдая за пытящим от крайнего раздражения академиком. – Придушил бы, если б мог... Вот чудак. Дожила бы я до такого возраста, если бы не умела сражаться на территории неприятеля! Да меня стресс бы раньше прикончил. А так – я препоручаю это милое состояние противной стороне и наблюдаю за результатом. Мяч у вас, господин академик! Ваш ход!

Глава 6. Открытый невестковый бунт

Это надо было уметь... За столь короткое время так вывести из себя столь экономного на эмоции человека, как академик Вяземский!

– Пррроклтая баба! – он даже работать не мог от крайнего раздражения, стоило ему только покоситься в окно на прекрасный вид. – Припёрлась в мой дом...

Нет-нет, он прекрасно сознавал, что живёт Елизавета в доме, принадлежащем Марине и даже на её земле, но... но...

Когда много лет воспринимаешь ВОТ ЭТО ВСЁ своим, смириться с этим крайне трудно. Нет-нет, дело было вовсе не в праве собственности на недвижимость. Нет, он воспринимал Марину собственностью своей семьи, поэтому её отделение от родовых владений Вяземских было неправильным, неестественным.

Тем более неправильным было то, что на этой территории гостила эта... эта... врагиня!

Академик вскипел практически сразу, до вечера набирал обороты просто от лицемерия гостей и обыденных фраз, которыми они обменивались, когда замечали друг друга в саду, а наутро вызвал Марину на серьёзный разговор.

– Марина, я прошу тебя убрать отсюда эту женщину, – начал академик после сухого приветствия. – Я понимаю, что проживает она в твоём доме, но ты, как член моей семьи, должна проявлять ко мне уважение! Я могу пережить твоё переселение, отказ от повседневных обязанностей, твоё увольнение, дурацкий курятник, который пасётся у меня под окном, но не эту...

Марина, которая предвидела что-то подобное, но очень надеялась, что до этого не дойдёт, вдруг ощутила себя изумительно приятно.

– А что, собственно, происходит? Ну, чем он мне может навредить? Да ничем! Всё! Все крючки, на которых меня можно было поймать, держать и поддёргивать, уже попросту закончились! Я уволилась из его института, работаю сама, живу на своей земле, в собственном доме, финансово абсолютно независима – наследственную квартиру родителей сдаю. Более того, могу ещё и квартиру, купленную в браке с Антоном поделить, если дело дойдёт до развода. А главное-то, что? Дети выведены из-под удара! Ну, так и что мне остаётся? Получать удовольствие!

– Маринaaa! – окликнул её академик, видя, что она как-то неуместно призадумалась, вместо того чтобы выразить ему своё согласие и показать готовность следовать его указаниям.

– Да, Игорь Вадимович, я вас слышала. Просто пыталась понять, чем же вам помешала моя гостья? Она ведь даже ни разу не заходила к вам. Более того, не пересекала границу ваших владений, кроме того, первого раза, когда приехала. Сегодня с утра я вызвала мастеров и мне уже отремонтировали мои старые ворота в конце участка, так что теперь даже для входа-выхода мы появляться у вас не будем.

– Марина, ты что? Действительно не понимаешь? Она ходит по дорожке и всё время что-то говорит! – возмутился академик.

– Она ходит по моей дорожке! – с потаённой усмешкой напомнила ему Марина. – И не вам говорит, а мне!

– Но я же всё слышу! – академик, только высказавшись, осознал, что лучше ему было этого не делать – очень уж забавно и нелепо это прозвучало.

– Так что же? Все соседи что-то говорят. Даже люди, которые на улице ходят, как это не возмутительно! И вы это тоже можете слышать. Прикажете отстреливать всех на дальних подступах? – неожиданно весело осведомилась Марина. – И да... По поводу всего остального... я достаточно тянула на своём хребте весь дом, сад, готовку и всё прочее. Нет-нет, не нужно рассказывать мне про то, как вы делали одолжение, пытаюсь тем, что я готовила. Особенно если учесть, что вы частенько заказывали именно то, что выходило у меня хуже всего, и вдоволь

развлекались, комментируя результат. Вам никто не мешал нанять повара значительно раньше, и наслаждаться любыми блюдами, какие вам только захочется!

– Марина!

– Простите, но я ещё не закончила... Моё переселение вызвано тем, что я хочу жить в СВОЁМ доме, где никто и никогда больше не станет мне говорить, что, когда и как я должна делать, что я обязана и прочие подобные фразы, так любимые членами вашей семьи. А раз я имею такую возможность, то почему бы и нет. Ах, да... курятник... всё элементарно просто – прикажите восстановить забор, который вы без моего разрешения и даже без моего ведома снесли, и будет вам абсолютно безкуриный мир, покой и всё прочее в том же духе.

– Прекрасно... ты закончила? – ледяным тоном уточнил академик.

– На данный момент, да, – кивнула Марина.

– Надеюсь, ты понимаешь, что Антон, при таком твоём поведении, может развестись с тобой? – Игорь Вадимович был свято уверен, что для Марины это очень серьёзная угроза.

– Неужели? Ну, если он сочтёт нужным это сделать, возможно... А может, подобный шаг сочту нужным сделать я! Пока не решила.

Вяземский уставился на невестку с изумлением.

– Неужели ты готова уничтожить даже свою семью?

– Я? Да, ну что вы? Как можно уничтожить то, чего никогда толком и не было? Разве мой муж когда-нибудь меня защищал? Оберегал? Старался мне хоть в чём-то помочь? Вы же сами понимаете, что никогда этого не было!

Тут уж даже академику крыть было нечем. Да, Антон был исключительно слабовольным и управляемым типом! Правда, смолчать Вяземский-старший, конечно, не смог.

– Но раньше тебя он полностью устраивал, а стоило только приехать этой невозможной особе, ты как с цепи сорвалась! Я же для твоей пользы прошу её убрать подальше!

– Аааа, так это вы обо мне заботитесь? – «осенило» Марину. – Спасибо большое, но я уже взрослая девочка, я разберусь сама!

– Я вижу, как ты разобралась... Ты посмотри, что творится с твоими детьми! – рявкнул академик.

– А что с ними такое?

– Один женился на коровнице, второй – на косметичке, дочь не замужем...

– Оба сына выбрали тех девушек, которых любят, и которые любят их самих. Любят их, а не ваше положение, деньги, возможное наследство и вашу пресловутую фамилию! А Ира... Ира сама разберётся. Да, и она поняла, что тот молодой человек, который недавно принял за ней ухаживать – ваш кандидат! – Марина, внимательно наблюдавшая за свёкром, мысленно кивнула себе. – Точно! Так и есть, Ирочка верно раскусила «ухажёра», – подумала она. И добавила, – Я никак не могла понять, почему бы моим детям не поступить так же, как это сделали вы – не выбрать себе пару самостоятельно и по своему вкусу, не оглядываясь ни на кого! Да, точно так же как вы выбрали свою жену!

– Не смей! – академик злобно засверкал глазами, – Не смей даже упоминать её! Как ты могла сравнить мою жену с девками, которых выбрали твои дети?

– Она не только ваша жена, но и моя свекровь, бабушка ваших внуков. Мы все её знали и любили. Она сама рассказывала и мне, и Ирочке, и мальчикам, как вы с ней познакомились, как ухаживали, как поженились. Так что разговаривать о ней я могу сколько пожелаю, гостя моя останется у меня столько, сколько захочет, а сейчас, с вашего позволения, я заберу свою курицу и пойду домой – у меня там тесто подходит!

Она открыла французское окно, прихватила с плитки курицу, зажала её под мышкой и отправилась к себе.

– Марина стала меняться после общения с этой... с этой... – у академика аж словодифицит приключался, когда он про Елизавету думал. – Да, это она настраивает против меня и Макса, и Марину. Теперь, похоже, и до Вадима добралась! Она рушит всё, что мне дорого!

Работа не шла, он позвонил Максиму и в очередной раз предпринял попытку переманить его обратно в Питер, но внук категорически отказался.

Вадим, всю жизнь работавший в лаборатории, на звонок деда ответил, но поговорить с матерью о том, что гостью надо немедленно убрать, не согласился.

– Дед, она в собственном доме может делать что хочет! Кстати, позволь тебя поздравить! Звонил Серёга, просил тебе передать, что ты стал прадедом. Он тебе написал, но, ты, наверное, в почту не заходил.

– И кто родился? – сухо уточнил академик.

– Девочка.

– Ну, что же, очень за них с Леной рад, – машинально отвечал Игорь Вадимович. Девочки его не сильно интересовали.

Звонок Софии позволил немного отвести душу.

– Софья, почему ты мне не сказала про рождение внучки или ты уже не считаешь нужным ставить меня в известность? Ты в Москве?

– Я как раз и звоню, чтобы тебе сказать про девочку... Нет, я дома...

– А почему? У твоего единственного сына родился первый ребёнок, ты не заинтересовалась этим фактом, а я даже не получил её фото!

– Папа, но я не думала, что тебе это будет важно! Сергей, он ведь...

– Сергей точно такой же мой внук – моя кровь! И он, по крайней мере, сумел выбрать себе не деревенщину-коровницу и не косметичку, а достойную жену! А что ты не думала – это для меня не новость. Это твое типичное состояние! – рявкнул академик, машинально насторожив уши – голос ненавистной бабы прекрасно достигал его органов слуха через оставленное Мариной открытым французское окно.

Закончив разговор в ещё большем раздражении, чем начал, он решил сам высказать Елизавете своё мнение о том, что не приветствует её пребывание в данной местности.

София замерла с погасшим смартфоном у уха, потом медленно отодвинула его от себя, и покосилась на собственное отражение в тёмном экране.

– Фото девочки? Поехать и сфотографировать дочку Сергея? – слово «внучка» у Софии нипочём не выговаривалось, видимо потому, что шло в неразрывной связи с ненавистным словом «бабушка». Ну, какая же она бабушка? Она молодая, ну, ладно, ладно, зрелая, но подтянутая, красивая и ухоженная женщина. Никак не бабушка! НИ-ЗА-ЧТО! Но сердить отца не хотелось категорически!

– Ну, съездить-то я могу, конечно... Посмотрю на ребёнка, сфотографирую. Сначала Сергею позвоню!

– Мам, завтра ты её точно не увидишь! – устало ответил счастливый, но жутко напереживавшийся за последние сутки Сергей, уяснив, что хочет матушка. – Они с Леной пока в роддоме, мы ж не Америка, у нас сразу не выписывают. – Приехать? Ну, приезжай...

Идея оказаться в одной квартире с верещащим младенцем и кучей животных Софию абсолютно не привлекала, поэтому, она объявила сыну, что жить будет в гостинице, а к ним заглянет.

Сергей только обрадовался – мать за последний год звонила всего пару раз, и оба раза для того, чтобы поссориться.

– Вот уж не хватало очередного выяснения отношений, так сказать, нос к носу! Интересно, это ей что, дед дал команду? – подумал Сергей, отлично знающий «милый» характер академика. – Заинтересовало его как правнучка выглядит?

Елизавета Петровна вышла на променад по «пограничной» дорожке, поспорив сама с собой на чашечку ароматного кофе с мороженым.

– Ну, как? Выманю или нет? Аж самой интересно! Выгляни в окошко, дам тебе горошка... – беззвучно рассмеялась она.

С академиком требовалось разговаривать, а для этого его следовало вывести из себя, из кабинета, вообще из дома, и из его непрошибаемого ощущения уверенности в себе.

Она, как только вчера приехала, уточнила, где именно начинаются академические владения, и порадовалась, обнаружив там комфортабельную дорожку.

– Не хотелось бы непринуждённо ломиться через кусты – как-то не комильфо, однако. Не по чину мне! А так – миленько, логичненько, пристойненько. Не придраться, короче! Иду, моционом занимаюсь, академиков на расстоянии довожу – лепота же!

То, что академик доводится, следовало из его гневного запираания окон, выходящих на пограничную дорожку, задёргивании штор, как только она начинала прохаживаться «по моциону», а также из визита к нему Марины.

– Ну, уже приказал выгнать? – живенько осведомилась Елизавета.

– Да кто бы ему позволил! – гневно фыркнула свекровь её внучки. – Мой дом! Кого хочу, того и приглашаю. С кем хочу, с тем и общаюсь! А хочу – с вами!

– Мариночка, не огорчайся! Всё идёт строго по плану. Насколько я понимаю, он сейчас должен попытаться поговорить со мной сам.

– Елизавета Петровна, а вы уверены, что это разумно? Он не в настроении, может и нагрубить.

– Конечно, может! Более того, скорее всего, с этого и начнёт. И это очень хорошо! Хамящий быстро раскрывается, и тогда уязвим для контрудара, – Елизавета подмигнула Марине. – Не переживай! Мы с тобой должны вынудить его оставить в покое внуков, иначе он постоянно будет пытаться их вернуть, достать их, чем-то зацепить, а у них должна быть совсем другая история с семьёй! Так что действуем по плану.

Выходящая по дорожке Елизавета вызвала у Вяземского как раз ту реакцию, на которую и рассчитывала. Узрев академика, высокого, худощавого, с не по возрасту густой шевелюрой, который весьма целеустремлённо шагал ей навстречу, она подумала, что кофе она сама у себя выиграла.

– Добрый день! Прекрасная погода, не находите? – возликовала Елизавета.

– Здравствуйте, нет, не нахожу, – сердито отозвался Вяземский. – Я хотел с вами серьёзно поговорить!

– Что? Уже даже серьёзно? – изумилась Елизавета, – Не может быть!

– Перестаньте паясничать! Я хочу вам сказать, чтобы вы не смели лезть в жизнь моей семьи! Вы её разрушаете!

– Как говаривал Марк Порций Катон «Карфаген должен быть разрушен»... – хмыкнула Елизавета. – Я могу вас заверить, что я никогда не разрушала семьи, даже когда была не в пример моложе и привлекательнее! Но чтобы я абсолютно случайно и ненамеренно что-то не развалила, давайте мы с вами уточним, что именно вы называете семьёй?

У Вяземского, когда он разговаривал с этой мерзкой бабой, постоянно возникало пренеприятнейшее чувство, что он пропускает удары противника один за другим, не успевает даже увидеть, откуда в него летит словесная стрела. Он так привык быть «на высоте», быть непогрешимым, обладать непоколебимым авторитетом, что подобные ощущения были для него как красная тряпка для разъярённого быка.

Собственно, этого и добивалась Елизавета, филигранно выманивая академика из крепости его абсолютной самоуверенности.

– Я называю семьёй то же, что и другие! Это родственники, связанные кровными узами или браком! – процедил академик. – Эти люди заботятся друг о друге.

– Ой, какая формулировка, прямо-таки формула. Почти химическая... А вот, интересно, ваш внук Сергей, это семья? Или нет?

– Семья, – фыркнул академик.

– Ну, наверное, какая-то такая... второй сорт – не брак, да? Иначе, как можно объяснить, что вас не интересовало, что его жена вот-вот родит? А Макс, которого вы выслали в Москву некоторое время назад? Он тогда не был вашей семьёй? Вы о нём не сильно-то заботились... Да и о Вадиме тоже временами... Как-то странно у вас получается – не семья, а семейно-газообразное вещество с крайне неустойчивыми отношениями и связями между членами семьи. Или всё не так? А просто есть ваша воля и родственники, которых вы перетасовываете как вам в данный момент придёт в голову? Перетасовываете, приближая этих, отдаляя тех, но придерживая всех на поводках, чтобы не смылись, не решились жить как им хочется, не повинуюсь вашей воле...

Глава 7. Очень забавный академик

С Игорем Вадимовичем Вяземским так никто не разговаривал с момента окончания им школы... Нет, даже раньше... класса с восьмого!

Между пятнадцатью и восьмьюдесятью пятью годами пролегли десятилетия, целые эпохи, полные побед, заслуг, битв и снова побед, достижений, признаний и прочего, и прочего в подобном духе.

И вот... какая-то... смеет!!!

– У вас или глаза из орбит собираются выпасть, или пар из ушей сейчас повалит! – хладнокровно проинформировала его Елизавета. – Сейчас вы скажете, что это не моё дело – ваши внуки.

– Это не ваше дело мои... – академик чуть рот себе не заткнул – очень уж нелепо это звучало, словно в дореволюционном театре актёр, не выучивший роль, повторяет за суфлёром.

– Ну, да, а потом вы скажете, что ваша семья меня не касается абсолютно...

Академик чуть не зарычал! Когда эта невыносимая баба ещё за него и ЕГО реплики выдаёт, это и вообще ни в какие ворота не лезет!

– Понимаю, понимаю вас! – с жаром воскликнула Елизавета. – Сама себя иногда с трудом выношу! А куда деваться? Некуда. Вот и вам некуда! Терпите!

– Да с чего бы это? – возмутился Вяземский. – Вы мне никто!

– И очень хорошо, и замечательно! Только вот я вас при нашей прошлой встрече предупредила, что Милу обижать не дам, а вы стараетесь разрушить её семью! Ещё скажите, что это не так!

Игорь Вадимович чуть не сказал, что это именно так! Но понял, что это ловушка и морально себя чуть за шкуру не оттащил от ловчей ямы проклятой бабы.

– Я? Да какое мне дело до вашей Милы? – высокомерно отреагировал он.

– Такое, что она вам мешает уволочь Максима обратно в Питер и стравливать его с Вадимом, – понимающе кивнула ему Елизавета. – Я уж и не говорю про её происхождение, неподобающее с вашей точки зрения!

И была абсолютно права! Академик прекрасно это осознавал. Он совершенно неслучайно попросил своего бывшего ученика, имеющего некоторое отношение к новой работе Максима, сделать так, чтобы внук вернулся к приличной научной деятельности, а не занимался ерундой! Бывший ученик, рассчитывающий на место, где сейчас работает Максим, трудоустроить своего сына, с жаром принялся устраивать внуку академика максимально некомфортное существование, и даже преуспел в этом – вал придинок, возникающих на ровном месте, совершенно незаслуженной критики и крайне противоречивых, исключительно резких замечаний от куратора крупного проекта был для честолюбивого Макса как нож в сердце. Так что со дня на день академик ожидал услышать от внука просьбу вернуться обратно на условиях деда. Нет-нет, конечно, он не потребует сразу развестись с коровницей – так грубо действовать попросту глупо, но, если Максим будет работать в Питере, а коровница в Москве, их брак будет однозначно обречён. Наверняка тот факт, что Макс до сих пор не сдался, можно было объяснить только воздействием его рыжей ветеринарши, только вот... академик точно знал характер своего внука – не сможет девица заменить ему его работу, призвание, успех! Ничего-ничего, уже скоро Максим будет в полном его распоряжении!

Академик высокомерно посмотрел на Елизавету Петровну.

– Грррммм... – откашлялся Вяземский. – Я бы сказал вам «уважаемая, это не ваше дело», но у меня никак не получается вас уважать!

– Сейчас я заплачу горячими слезами! – весело рассмеялась Елизавета. – Вы такой забавный, честное слово!

– Я? – искренне поразился академик.

За долгую жизнь его как только не называли, но только не забавным!

– Ну, конечно, вы! Не Арсений же, – Елизавета кивнула на Маринино петуха. – Вот он достойный, а вы... вы забавный! Вы так стараетесь, столько сил тратите, а зачем?

– Да не ваше дело! – рявкнул академик, и на него недоумевающе покосилась не только Елизавета, но и Арсений и трое из его жён, которым он добывал каких-то червяков из Мариной клумбы.

– Мы опять вернулись на круги своя? – усмехнулась Елизавета. – Неее, говорю же вам, что это очень даже моё дело, так что смиритесь! Пока вы не отвяжетесь от Милы и Макса, я никакого покоя вам не дам! Изведу его как явление! Просто измором возьму, лучше сразу сдавайтесь!

– Ещё чего не хватало! – зло покосился на неё академик. – Вы отсюда очень скоро уберётесь!

– И не мечтайте! Мне тут так понравилось, да и Маришенька пригласила на всё лето!

Это было уже слишком! Академик взвыл, как слон, которому на пути встретилось стадо особоопасных мышей и рванул к невестке.

– Мариииинааа! Убери эту невозможную женщину! – прошипел академик невестке, которая мирно жарила картошку.

– Игорь Вадимович, мы с вами это уже обсудили... Не нравится вам наше соседство – стройте забор! – Марина равнодушно пожала плечами.

– Мы шли под грохот канонады,

Мы смерти смотрели в лицо,

Вперёд продвигались отряды

Спартаконцев, смелых бойцов.

Донесли со двора строки песни, выпеваемые красивым женским сопрано, и академику открылась блестящая по силе воздействия картина – Елизавета вышагивала по плиточной дорожке вглубь Маринино сада, а за ней маршировали четыре курицы и петух.

– Скажите, что мне это снится! Скажите, что я сейчас проснусь, и ничего этого тут не будет! – простонал академик.

– Будет-будет! – многообещающе покивала головой невестка. – Она отлично поёт, кстати! И любит это делать! Так как насчёт забора?

– Забора? А какой в нём смысл, если она будет бродить вдоль него и завывать? – выразительно взвыл академик.

– Она поёт! – укоризненно покачала головой Марина, сдерживая смех, – Не придирайтесь! Красиво поёт, между прочим!

Елизавета в глубине сада усилила силу звука и перешла на песенку про чёрного кота, которая вынесла академика из дома и владений Марины, словно его ветром сдуло.

Марина не выдержала и упала на кухонный диванчик, заглушая хохот подушкой, похищенной у предмета мебели.

– Хихикаешь, да? Нет бы подпевать! – Елизавета, вернувшись уточнить, насколько хватило её противника, укоризненно покачала головой.

– Да у меня голос не очень... – смутилась Марина и тут же была морально поймана, скручена и поставлена петь!

– И какая зараза сказала, что ты плохо поёшь? – мрачно уточнила Елизавета. – Муж и иже с ним?

– Нуууу, дааа... – призналась Марина. – Хотя, я в школе в хоре пела и в музыкалке занималась!

– Понятненько! Тогда будем навёрстывать упущенное и петь дуэтом! – заявила Елизавета. – Что мы любим петь? А ну-ка...

В плотно закрытые окна академика безжалостно проникали два женских голоса, действительно отлично звучащие вместе и улаживающие себя «Катюшей», «Смуглянкой», «Конем», да так лихо, что можно было ставить спонтанный дуэт на сцену вместе с группой «Любэ», и дамы бы отнюдь не опозорились!

– Что за безвкусица! – шипел академик, поймавший себя за машинальным мурлыканием о том, что будет добрым год-хлебород, было всяко, всяко пройдёт... – Только мы с конём по полю... да что же это такое! Антоооон! Уйми свою жену!

Антон, не привыкший отцу перечить, ушёл к Марине...

– Ой, да не вечер, да не вечер,

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось...

Донеслось до академика вполне актуально – к вечеру. Причём, пел его сын!

– Аааааа! Это невыносимо! – не выдержал академик, распахнул окно, намереваясь отправиться к Марине и разогнать это безобразие, запнулся о пятую Маринину курицу, терпеливо караулившую его появление, снова чуть не рухнул, запутавшись в кустах, а когда гневно обернулся на проклятую птицу, то узрел её на письменном столе.

Куры – птицы умные! Рыжая пухлая Марфуня отлично запомнила, что на этом широком насесте есть всякие разные жучки! Она даже клюнула одного, но он как-то не склевался, и это было обидно!

Куры – птицы настойчивые! Поэтому Марфуня решила попробовать ещё раз...

Куры – птицы наблюдательные! Посему, когда Марфуня пронаблюдала, как к ней мчится жадноватый жучкохранитель, то она решила, что жучки и червячки могут и подождать... Клюнула-то всего-ничего, а этот чудак подскочил на свой насест и давай лапой по жучкам грести!

Куры – птицы верные! И Марфуня, как кура порядочная, своему петуху не изменила – это только он ей жучков и червячков выгребает, а от всяких нервных типов, приличные куры ничего кроме печенья не берут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.